

Изъ архива князя Л. А. Ухтомскаго ¹⁾.

Но вотъ пріѣхала семья, молчаливая усадьба ожила, а князь углубился въ безконечный пасіансъ—и недавнихъ воспоминаній какъ ни бывало: снова передо мною—суровой наружности, одинокій скиталець по городу Смоленску, нелюдимый и боящійся пускать кого-либо въ тайники своей души, человѣкъ...

Помню, какъ, оставшись ночевать въ „Васьковѣ“, я, рано утромъ, спустился безшумно въ гостиную и принялся разсматривать изданія, лежавшія на столѣ. Вдругъ въ комнатѣ появляется князь въ утреннемъ дезабильѣ, идущій совершать туалетъ свой въ ванную. Надо было видѣть, съ какой природной граціею настоящаго вельможи драпировался онъ въ халатъ, поклонился мнѣ, извиняясь за „костюмъ“...

Кстати замѣтить, что въ движеніяхъ покойнаго вообще сквозило само достоинство хорошо воспитаннаго, военнаго человѣка былыхъ временъ, не дающаго себѣ опускаться въ отставку, при томъ безъ признаковъ рисовки, жеманства... Такъ и вѣяло въ инныя минуты сношеній съ покойнымъ эпохами Императоровъ Александра I, Николая Павловича, извѣстныхъ намъ по портретамъ предковъ, на которыхъ, что ни мужчина, то—орелъ, что ни поза—то картина...

Князь умѣлъ молчать въ обществѣ, особенно при дамахъ, даже скучать, раскладывать свои пасіансы, выслушивать собесѣдника съ особой, естественною граціей, которая заставляла забывать недостатки его наружности.

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1911 г.

Живо представлялись мнѣ это спокойствіе, эта грація—среди ужасовъ Севастопольскихъ штурмовъ, въ свитѣ Нахимова, на Малаховомъ Курганѣ... И въ подобныя минуты, я, незамѣтно для князя, имъ любовался...

Черезъ нѣсколько дней, еще разъ пріѣхавъ въ „Васьково“, я увезъ съ собою въ Смоленскъ подаренный мнѣ княземъ архивъ, копію съ послужного списка князя и новыя данныя къ его біографіи, почерпнутыя изъ личныхъ съ нимъ разговоровъ. По поводу мемуаровъ покойнаго у насъ даже завязалась съ нимъ переписка.

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 14 іюня 1908 года, изъ „Васькова“), онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее—относительно подаренныхъ бумагъ:

„Недавно получилъ Ваше письмо и очень польщенъ Вашею похвалою, какъ авторъ. Очень Вамъ благодаренъ за то, что берете на себя трудъ—напечатать кое-что изъ моихъ воспоминаній. Прошу, по изданіи ихъ, выслать мнѣ 10 экземпляровъ, для раздачи пріятелямъ. Что касается до того, были ли печатаемы мои воспоминанія объ оборонѣ Севастополя, сообщу вамъ слѣдующее:

Въ концѣ обороны я далъ маленькую замѣтку моему пріятелю А. Е. Влангали, когда онъ уѣхалъ изъ Севастополя въ С.-Петербургъ, и она была напечатана въ одной изъ Петербургскихъ газетъ, но въ какой—не припомню. Смыслъ замѣтки былъ тотъ, что впоследствии наши потомки будутъ приходить на развалины Севастополя и благоговѣнно вспоминать его славныхъ защитниковъ. Въ 1855 и 1856 годахъ, находясь въ Николаевѣ, я привелъ въ порядокъ свой Севастопольскій дневникъ и просилъ моего товарища Я. И. Коростовцева передать мою полную рукопись въ редакцію „Морского Сборника“, гдѣ она и затерялась. Когда вышла исторія обороны Севастополя Тотлебена, меня просили написать кое-что отъ моряковъ. Тогда я написалъ нѣсколько словъ въ „Морскомъ Сборникѣ“. Отзывъ этотъ былъ непріятенъ Тотлебену. Затѣмъ, въ послѣднее время, т. е. лѣтъ шесть тому назадъ, лейтенантъ Бѣлавецъ писалъ мнѣ изъ Севастополя и просилъ написать что-либо объ адмиралѣ Нахимовѣ, для біографіи послѣдняго. Я кое-что написалъ, но въ печати ничего не было. Еще раньше я отправилъ въ Севастопольскій музей мой черновикъ дневника обороны. Вотъ и вся исторія моихъ замѣтокъ о Севастополѣ. Такъ что вы смѣло можете печатать, гдѣ хотите“.

Тогда же въ 1908 году, увлеченный разказами, рукописями престарѣлаго адмирала, принялся я набрасывать о немъ статью, обращался къ князю за поясненіемъ морскихъ терминовъ, встречающихся въ его бумагахъ. Но житейскія тревоги, болѣе срочныя литературныя работы, борьба моя за Смоленскія святыни,

наконецъ, переѣздъ изъ Смоленска въ Вильну—все это разрушило мои планы—и я отложилъ на время начатую уже работу.

Исполняю лишь теперь обѣщаніе, данное почившему, увѣренный, что въ эту минуту, когда я сижу надъ тетрадами его дневниковъ, оно духовно со мною, меня вдохновляетъ, меня благословляетъ...

И такъ, начну съ официальной части біографіи князя Ухтомскаго—съ его послужного списка, такъ какъ безъ этой казенной суши не обойдешься—разъ пишешь біографическую замѣтку о русскомъ дѣятелѣ, да еще выдающемся по служебному прошлому.

Князь Л. А. Ухтомскій родился 30 октября 1829 года, происходя изъ стариннаго дворянскаго рода Калужской губерніи, воспитывался въ Морскомъ корпусѣ, куда поступилъ кадетомъ 9 октября 1842 года; произведенъ въ гардемарины 5 августа 1845 года, а въ 1847 году произведенъ въ мичманы съ назначеніемъ въ 44-й флотскій экипажъ.

Пропустивъ мелкія подробности службы князя, упомянемъ здѣсь только о главныхъ событіяхъ его жизни во флотѣ.

Въ началѣ Крымской кампаніи покойный находился на фрегатѣ „Коварна“, затѣмъ былъ въ Севастополѣ во время обороны послѣдняго. Въ апрѣлѣ 1855 года его назначили старшимъ адъютантомъ штаба командира Севастопольскаго порта, въ слѣдующемъ году — старшимъ адъютантомъ штаба завѣдывавшаго морскими силами въ Николаевѣ, а въ ноябрѣ того же (1856 г.) онъ былъ отчисленъ отъ должности адъютанта съ назначеніемъ въ 36-й флотскій экипажъ. Затѣмъ, князь Ухтомскій послѣдовательно командовалъ яхтою „Людахъ“, пароходомъ „Ординарецъ“, служилъ въ 1-мъ Черноморскомъ сводномъ экипажѣ, въ 14-мъ флотскомъ экипажѣ, командовалъ винтовой лодкою „Лукъ“, такой же лодкой „Сѣкира“, будучи въ 1863 году переведенъ въ 8-й флотскій экипажъ, командовалъ послѣдовательно пароходами „Лоцманъ“, „Фонтанка“ и броненосной лодкою „Стрѣлецъ“ (съ переводомъ въ 11-й флотскій экипажъ). Будучи переведенъ, затѣмъ, въ 6-й флотскій экипажъ, онъ получилъ назначеніе начальника Астрабадской станціи. Въ 1867 году князь удостоился особаго Монаршаго благоволенія, какъ сказано въ его послужномъ спискѣ, „за благоразумныя распоряженія по освобожденію двухъ матросовъ, находившихся въ плѣну у Туркменъ съ 1859 года“.—Далѣе, мы видимъ покойнаго переведеннымъ изъ „Каспійской флотиліи“ въ Балтійскій флотъ съ зачисленіемъ въ 8-й флотскій экипажъ (въ 1869 году), прикомандированнымъ (въ 1871 году) къ конторѣ надъ С.-Петербургомъ, командиромъ Архангельскаго порта, директо-

ромъ Бѣломорскихъ маяковъ (въ 1875 году), а въ 1881 году—директоромъ Архангельскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности. Въ 1885 году князь назначается директоромъ маяковъ и лоціи Каспійскаго моря и командиромъ Бакинскаго порта, съ каковой должности, будучи произведенъ въ вице-адмирала, по прошенію, онъ въ октябрѣ 1889 года выходитъ въ отставку съ мундиромъ и огромной пенсіей—въ 5 тысячъ рублей.

Кромѣ Севастопольской обороны князь Ухтомскій участвовалъ въ разныхъ другихъ боевыхъ экскурсіяхъ и дѣлахъ по Черному, Каспійскому, Балтійскому и Бѣлому морямъ, былъ контуженъ въ голову во время осады Севастополя, имѣлъ много знаковъ отличія, между прочимъ (за оборону Севастополя) золотое оружіе съ надписью „За храбрость“, орденъ Св. Владимира 4 ст. съ мечами и бантомъ, серебряную медаль на Георгіевской лентѣ, а изъ другихъ орденовъ и знаковъ отличій—бронзовую медаль въ память войны 1853—1856 г.г., свѣтло-бронзовую за усмиреніе польскаго мятежа, Анну 1-й степени; изъ иностранныхъ же—Персидскій орденъ Льва и Солнца 1-й степени и Шведскій—Св. Олафа Командорскаго креста 2-й степени.—Князь Ухтомскій былъ трижды женатъ, въ послѣдній разъ на дочери губернатора Коніара. Отъ второго брака послѣ него осталась въ живыхъ дочь, отъ третьяго—сынъ и двѣ дочери.

А вотъ перечень литературно-научныхъ трудовъ покойнаго, въ разное время напечатанныхъ имъ въ „Морскомъ Сборникѣ“:

- 1) „Переходъ на купеческомъ бригѣ въ 1853 году изъ Севастополя въ Редуть-Кале. Извлечено изъ записокъ лейтенанта К. Л. У.“ (напечатано было въ „Морскомъ Сборникѣ“, сентябрь 1854 г.).
- 2) „Сайменскій каналъ и озеро Сайма. (Изъ практическаго плаванія въ финляндскихъ шхерахъ въ навигацію 1861 года)“.
- 3) „Очеркъ Дуная“. („Морской Сборникъ“ 1861 года, №№ 6 и 7).
- 4) „Критическая замѣтка по поводу „Описанія обороны Севастополя“, составленнаго гр. Тотлебенемъ“.
- 5) „Отъ Петербурга до Астрахани рѣчнымъ путемъ. Изъ дневника въ навигацію 1862 г.“ („Морской Сборникъ“ 1863 г., №№ 8 и 9).
- 6) „Нѣсколько дней на заводахъ г. Мальцева“. („Морской Сборникъ“ декабрь 1857 г.).
- 7) „Поѣздка рѣчнымъ путемъ отъ Петербурга до Архангельска въ навигацію 1863 года“.
- 8) „Путевыя замѣтки при обзорѣ состоянія Мурманскихъ рыболовныхъ промысловъ въ 1872 году“. („Морской Сборникъ“ 1874 г.).
- 9) „Критическія замѣтки объ атласѣ Волги, изданномъ въ 1861 году“.
- 10) „Устья р. Волги и Каспійское море. Путевыя замѣтки. Продолженіе статьи „Отъ Петербурга до Астрахани“.

Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ статей (собранныхъ княземъ въ особый, довольно объемистый томъ, хранящійся въ его семьѣ), въ 1883 году было выпущено имъ отдѣльнымъ изданіемъ довольно объемистое сочиненіе „Новая Земля“,—этнографическій этюдъ, которое подарилъ онъ мнѣ самъ съ любезной надписью.

Кстати будетъ замѣтить, что всѣ напечатанныя произведенія покойнаго отличаются прекраснымъ литературнымъ языкомъ, яркими картинами природы, рисуя самого автора, какъ образованнаго, любящаго морское дѣло, наблюдательнаго и симпатичнаго человѣка. Въ свое время, они были встрѣчены сочувственно и обществомъ, и заинтересованными сферами. Теперь, конечно, труды эти—библиографическая рѣдкость; они устарѣли, хотя и до сихъ поръ читаются съ бодьшимъ интересомъ.

Когда я обратился письменно къ покойному князю съ вопросомъ, за какія отличія получены имъ были въ Севастополѣ боевыя отличія, князь (въ письмѣ отъ 25 іюня 1908 г.) мнѣ отвѣчалъ:

„Сколько помню, въ февралѣ 1855 г. я получилъ назначеніе старшаго адъютанта штаба Севастопольскаго порта, при адмиралѣ Нахимовѣ. (Онъ былъ назначенъ передъ тѣмъ командиромъ порта и помощникомъ начальника Севастопольскаго гарнизона). Такъ я и продолжалъ эту должность—до конца обороны.

О заслугахъ, награжденіи меня орденами во время обороны могу сообщить слѣдующее:

Кажется, въ концѣ февраля предпринята была постройка Волинскаго и Селенгинскаго редутовъ (такъ назывались они по именамъ полковъ, которые ихъ строили). Эти редуты должны были съ фланга помогать Малахову Кургану. Новыя укрѣпленія очень не понравились непріятелю, и только что они были окончены, какъ на нихъ былъ направленъ сильный огонь, орудія на нихъ сбиты и посланы были войска, чтобы ихъ уничтожить. Но французы были прогнаны. И вотъ для защиты этихъ укрѣпленій были посланы отряды съ Малахова Кургана, гдѣ былъ и я, какъ командиръ роты 44 флотскаго экипажа.

Въ день нашего прихода туда все было спокойно, и мы лишь навѣстили командира Волинскаго редута лейтенанта Скарятина, сильно контуженнаго и плакавшаго на развалинахъ своей батареи.

Эти укрѣпленія больше и не возобновлялись, какъ весьма удаленныя отъ Малахова Кургана.

Вотъ за прикрытіе вновь построенныхъ Волинскаго и Селенгинскаго редутовъ я и получилъ орденъ Владиміра 4 ст., что было для меня очень лестно, такъ какъ я до того времени не имѣлъ никакого знака отличія.

Слѣдующіе ордена, съ мечами—Станислава 2 ст., Анну 2 ст. и золотую саблю съ надписью „За храбрость“ я получилъ за разныя порученія по службѣ, которыя теперь и не припомню“.

Отвѣтивъ еще на много моихъ вопросовъ по спеціально морской терминологіи, кн. Ухтомскій такъ заканчиваетъ свое длинное письмо:

„Кажется, на все отвѣтилъ. Спрашивайте еще, что нужно: отвѣчу, что помню. Только временемъ торопитесь: намъ, старикамъ, уже недолго жить. Вѣдь мнѣ 79 лѣтъ!—Когда слѣдишь по газетамъ за стариками, умирающими, то видишь, что всѣ ушли раньше этого возраста“.

Покойный кн. Ухтомскій, въ свое время, недаромъ считался знатокомъ нашего Сѣвера и Юга.

Въ бумагахъ его сохранился набросокъ статьи (очевидно подготовлявшейся къ печати), въ которомъ имѣется слѣдующее автобиографическое вступленіе:

„Служебныя дѣла надолго приковали меня къ Сѣверному краю. Такъ, въ 1862 году мнѣ поручено было доставить воднымъ путемъ канонирскую лодку „Сѣкиру“ изъ Петербурга въ Астрахань, и тогда я въ третій разъ познакомился съ Маринскою системою.

Въ 1863 году я имѣлъ счастье командовать отрядомъ разныхъ судовъ, на которомъ блаженной памяти Его Императорское Высочество Государь Цесаревичъ Великій Князь Николай Александровичъ, совершая путешествіе по Россіи, осмотрѣлъ Маринскую систему. На обратномъ пути въ Петербургъ, я имѣлъ возможность проѣхать воднымъ путемъ въ Архангельскъ.

Въ 1870 году, по порученію Министра Путей Сообщенія, я былъ командированъ на Маринскую же систему, какъ членъ комиссіи, которой поручено было выяснить нужды судоходства.

Въ 1871 году меня назначили командиромъ Архангельскаго порта, гдѣ имѣлъ возможность познакомиться съ Поморьемъ, съ Мурманскимъ берегомъ и съ архипелагомъ Новой Земли.

Въ Архангельскѣ я прожилъ безвыѣздно 14 лѣтъ.

Нынѣ, по случаю перевода моего въ Каспійское море, именно весною 1885 года, я надолго покинулъ Сѣверъ; но счастливая случайность дала мнѣ возможность еще разъ обозрѣть его, такъ какъ я имѣлъ счастье находиться въ свитѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича во время путешествія его лѣтомъ 1885 года по Сѣверному Краю.

Такое продолжительное пребываніе на Сѣверѣ сроднило меня, какъ съ людьми Сѣвера, такъ и съ его природою и дало мнѣ смѣлость сдѣлать рядъ описаній нѣкоторыхъ мѣстностей“.

Послѣ этого вступленія слѣдуетъ изложеніе княземъ путешествія, совершеннаго имъ съ женою въ 1883 году отъ Вологды до Архангельска, которое мы пропускаемъ, какъ не имѣющее непосредственной связи съ настоящей статьею.

II.

Обратимся теперь къ дневникамъ князя Ухтомскаго, въ которыхъ описываются событія изъ его жизни, предшествовавшія участию его въ оборонѣ Севастополя.

Тутъ, въ этихъ выцвѣтшихъ тетрадахъ изъ грубой бумаги, молодость бьетъ ключемъ. Князь Ухтомскій—вѣчно неудовлетворенъ собою, своимъ скромнымъ общественнымъ, служебнымъ положеніемъ, вѣчно рвется къ новымъ впечатлѣніямъ, въ путешествія, къ опасностямъ. Личныя воспоминанія автора мемуаровъ чередуются съ выписками на французскомъ языкѣ изъ Жанъ-Жака-Руссо и другихъ авторовъ, съ научными замѣтками, записями спеціально морского характера и т. п.

Служба упорно не удовлетворяетъ князя, общество тоже. Но, хотя онъ и пытается подражать въ жизни разнымъ знаменитостямъ, напримѣръ, Франклину, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ признаніямъ разочарованнаго молодого человѣка, вы угадываете, что, въ сущности, онъ сибаритъ офицеръ „съ лѣнцой“, умѣющій при случаѣ взять радости у жизни, что живетъ ему не только недурно, но подчасъ и весело, что у него есть и пріатели-товарищи, и интересующіе его люди изъ общества, что едва ли онъ, съ его барскими замашками и лѣнью, находка для начальства... Эти противорѣчія, бросающіяся въ глаза въ дневникахъ князя, не отнимаютъ у послѣднихъ искренности, непосредственности! Князь, въ каждую данную минуту, увлеченный, страстный, жаждущій наслажденій, въ самомъ дѣлѣ и страдаетъ, и умѣетъ убѣдить себя въ томъ, что онъ не понятъ окружающими, что онъ судьбою призванъ къ иному, болѣе высокому, назначенію въ жизни. Характерной чертою этой части прошлаго князя является его влюбчивость. И кого только онъ не „обожалъ“, къ кому только не пылалъ молодымъ сердцемъ!... Одна страсть смѣняетъ другую, при чемъ чаще всего—въ воображеніи, не доходя до серьезной развязки, не удовлетворяя, а лишь дразня, разжигая, отрывая отъ дѣйствительности. У князя—привычка—всѣ свои любовныя ощущенія и надежды, въ мельчайшихъ подробностяхъ, заносить въ дневникъ, а затѣмъ, давать эти записи на просмотръ предмету увлеченія. Дневники возвращаются къ нему порой испещренные то ядовитыми, то насмѣшливыми замѣтками этихъ

„предметовъ“ увлеченія молодости. И вотъ—новый мотивъ для страданій, для lamentацій на послѣдующихъ страницахъ мемуаровъ...

Въ одномъ изъ подобныхъ дневниковъ князя (эпохи его молодости) мною найдена слѣдующая характеристика автора „журналовъ“, сдѣланная по-французски, женской рукою:

„Гороскопъ, составленный для князя Ухтомскаго.

Голова. Глубокій мыслитель.

Типъ. Сократа.

Взглядъ. Лукавый.

Глаза. Зеленые глаза, которыхъ никогда не забудешь.

Рѣчь. Осторожная и серьезная, всегда со злой, задней мыслью.

Выраженіе. Открытое, но презрительное.

Волосы. Онъ былъ бы очень радъ, если бы вернулась мода—пудрить волосы.

Сердце. Жестокое и твердое, какъ мраморъ; но то, что начертано въ немъ, не стирается никогда.

Характеръ. Донъ-Жуана, недовѣрчивый и скрытный.

Страсть. Поддразнивать cadaго.

Любовь. Это—его стихія.

Радость. Всегда довольный, всегда радостный.

Огорченія. Всегда недоволенъ самимъ собою, въ особенности послѣ разговора съ дамами.

Умъ. Серьезный и созерцательный—тонкій и насмѣшливый.

Недостатки. Безпечный, равнодушный.

Качества. Онъ пользуется своей силою только для того, чтобы защищать слабыхъ; скромность, доходящая до наивности.

Занятія. Онъ ищетъ побѣдъ.

Что говорятъ о немъ? Каждый старается высказать ему свою привязанность,

Дружба. Онъ не понимаетъ ее, но онъ оцѣнить ее когда-нибудь.

Желанія. Не имѣютъ границъ.

Каковы его вкусы? Онъ предпочитаетъ умъ всѣмъ другимъ качествамъ.

Что онъ любитъ?—Лакомства, черные глаза, варенья и особь, которая производятъ впечатлѣніе ихъ полнотою.

Дрожащей рукою я приподнимаю занавѣсъ будущаго.

Женится ли онъ? Его женять.

¹⁾ На ней, видимо, позднѣйшая надпись, по-французски, тоже женской, хотя уже другой рукою: „мнѣ трудно узнать въ этомъ портретѣ любезнаго философа, котораго я знаю“.

Каково будетъ это супружество? Онъ будетъ вызывать зависть здѣсь, на землѣ; оно будетъ благословенно на небеси.

Будетъ ли онъ счастливъ? Ничего не будетъ недоставать для полноты его счастья.

Какое будущее? Сердце пустое, потухшіе огни.

Что скажетъ о немъ свѣтъ? Онъ будетъ въ модѣ.

Каково будетъ о немъ мнѣніе его первой страсти? Она сохранитъ противъ него вѣчную досаду.

Осуществится ли то, чего онъ желаетъ? Пусть надеется.

Любитъ ли его особа, о которой онъ думаетъ? Какъ придется.

Поѣдетъ ли онъ за границу? Никогда, но чужіе края не будутъ ему чужды.

Свидится ли онъ съ особою, которую желаетъ видѣть? Надо побѣдить много препятствій для того, чтобы ее увидѣть.

Какова будетъ его карьера? Блестяща, если онъ будетъ храбръ и вѣровать въ свою нравственную силу.

Будетъ ли онъ богатъ? Онъ найдетъ богатство въ любви тѣхъ, кто его окружаетъ.

Будетъ ли онъ долго жить? Онъ будетъ свидѣтелемъ кончины міра.

Что будетъ радостью его старости? Цвѣты и тотъ изъ внуковъ его, который будетъ носить его имя.

Сибилла X."

Но, пропустивъ любовный бредъ молодости, которымъ изобилуютъ дневники князя Ухтомскаго, того времени, сдѣлаемъ изъ нихъ только выписки, характеризующія и самого автора ихъ, и ту среду—служебную, общественную—гдѣ онъ вращался.

Сообщ. А. В. Жиркевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

